

К.В. ХВОСТОВА

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Теория синергетики, основанная на идее динамического хаоса и связанная с исследованиями И. Пригожина и его последователей в области физики, как известно, повлияла на общее философское мировоззрение и эпистемологию. Появилось новое мировидение, в рамках которого по-новому понимается онтология, опирающаяся теперь на идею динамического хаоса, неравновесности, неустойчивости и нелинейности не только физического, но и социального пространства. Эти представления отразились и на исторической науке.

Первоначально влияние названных идей на историю выразилось в акцентировании в исторических исследованиях многофакторности исторической реальности и многоаспектности исторического знания. Некоторые ученые подчеркивали диффузный, относительный характер временных исторических тенденций, которые, по их мнению, не имеют явного характера, но предстают перед нами в расплывчатой форме. Соответственно, в историческом исследовании их констатация должна сопровождаться многочисленными оговорками¹.

Исходя из названных предположений, А.Я. Гуревич в одной из своих последних работ подверг критике взгляды А.И. Неусыхина, С.Д. Сказкина и многих других ученых, поддерживавших концепцию о наличии на Западе в эпоху раннего Средневековья четко выраженной временной тенденции к вовлечению крестьян в поземельную и личную зависимость². По-видимому, имплицитное влияние идей нового мировидения испытала вся дискуссия о природе европейского феодализма, происходившая в начале XXI в.³ Но не исключено и косвенное воздействие постмодернистских идей неопределенности исторического дискурса и нарратива и многоаспектности исторического знания.

В дальнейшем, однако, те же концепции динамического хаоса, неравновесности, составляющие содержание современной синергетики как философско-мировоззренческого направления, парадоксальным образом породили обилие научных сочинений, авторы которых убеждены в возможности на основе названных идей открыть общие исторические законы и изучить их с помощью методов математического макромоделирования⁴, а также прогнозировать исторический процесс в будущем. Футурология –

Хвостова Ксения Владимировна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, руководитель Центра “Проблемы исторического познания”.

Статья написана при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 10-03-00003.

¹ *Le Goff J. Histoire et mémoire. Paris, 1988; Ле Гофф Ж. С небес на землю. – Одиссей. Человек в истории. Культурно-антропологическая история. М., 1991, с. 30; Бессмертный Ю.Л. “Анналы”: переломный этап. – Там же. Об этих работах см. Кнабе Г.С. Понятие энтелихии и история культуры. – Вопросы философии, 1993, № 5, с. 69; Гуревич А.Я. Феодализм перед судом историков, или о средневековой крестьянской цивилизации. – Одиссей. М., 2007.*

² *Неусыхин А.И. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе. М., 1956; Сказкин С.Д. Очерки истории западноевропейского крестьянства в Средние века. М., 1968; Гуревич А.Я. Указ. соч.*

³ Об этой дискуссии см. *Гуревич А.Я. Указ. соч.*

⁴ *Турчин П.В. Историческая динамика. На пути к теоретической истории. М., 2007; Проблемы математической истории. Отв. ред. Г.Г. Малинецкий, А.В. Коротаев. М., 2008.*

особая дисциплина, в данной статье мы ее не касаемся, речь пойдет только об изучении исторического прошлого. Сторонники макро моделирования отстаивают идею сближения истории и естественно-научного знания, ставшую популярной в эпистемологии истории в целом⁵. Существует третье направление современных исторических исследований, представители которого учитывают и акцентируют характерные специфические черты исторической науки и не подвержены непосредственному влиянию синергетики, связанной прежде всего с развитием физики. К этому направлению могут быть отнесены многие историки-профессионалы. При рассмотрении ниже следующей проблематики мы руководствуемся идеями этого направления.

Несмотря на то, что в рамках приоритетного сегодня, так называемого исторического течения в эпистемологии, восходящего к идеям Т. Куна, П. Файерабенда, И. Лакатоса и других, все научные теории в любой науке понимаются как историчные, т.е. развивающиеся и изменяющиеся во времени, сохраняются все основания не только для различения исторических и естественно-научных теорий (прежде всего физики), что определяется неодинаковостью объектов и предметов изучения и их известного противопоставления. Формулировка исторических законов, регламентирующих социальное поведение в философской мысли Нового времени, была дана уже представителем аналитической философии истории К. Гемпелем под названием “охватывающие законы”. В их основе лежит идея необходимости осмысления человеком в его социальном поведении коллективного, обыденного социального опыта. Суть этих законов состоит примерно в том, что человек в своей социальной ориентации и поступках исходит из учета внешних обстоятельств и руководствуется приобретенными навыками⁶. Сам автор называл эти законы психологическими. К. Поппер справедливо расценил их как тривиальные, подчеркнув отсутствие в историческом знании законов, аналогичных естественно-научным⁷.

В отличие от К. Гемпеля неогегельянец Р. Коллингвуд характеризовал историческую методику, направленную на изучение социального поведения, как проигрывание изучаемой исторической ситуации, т.е. признавал сугубо индивидуальный подход при рассмотрении названной проблемы, отрицал наличие исторических законов и возможность исторических прогнозов⁸. Но современные ученые говорят об общих исторических законах процессов и отношений. Остановимся на их анализе, не затрагивая вопросов, связанных с регулярностями, отличающими социальное поведение людей.

По определению закон науки носит необходимый характер, отражающий глубинный механизм взаимосвязи факторов и проявляющийся в динамической или статистической форме⁹, и выполняет объяснительно-прогностическую функцию. Ученые, усматривающие наличие в историческом знании законов, аналогичных тем, которые существуют в естественных науках, не всегда подразделяют исторические законы по степени их общности и определяют характер их функционирования. Например, выведен закон так называемой иерархической компенсации (закон Седова), который гласит: “Рост разнообразия на верхнем уровне иерархической организации обеспечивается ограничением разнообразия на предыдущих уровнях, и, наоборот, рост раз-

⁵ Об этом см.: *Хвостова К.В.* Математические методы в исторических исследованиях и современная эпистемология истории. – Новая и новейшая история, 2007, № 3, с. 75; *ее же.* Соотношение исторического и естественно-научных знаний. – Новая и новейшая история, 2009, № 1; Гуманитарная наука как предмет философско-методологического анализа. Материалы “Круглого стола”. – Вопросы философии, 2007, № 6.

⁶ *Hempel C.G.* Aspects of Scientific Explanation. New York – London, 1965, p. 246.

⁷ *Поппер К.* Открытое общество и его враги, т. II. М., 1992, с. 305; *его же.* Нищета историзма. М., 1993, с. 34, 172.

⁸ *Коллингвуд Р. Дж.* Идея истории. – *Коллингвуд Р. Дж.* Идея истории. Автобиография. М., 1980, с. 208, 209, 269.

⁹ *Зиновьев А.А.* Логическая социология. М., 2002, с. 27; *Жданко А.В.* Эволюция управляемых систем. СПб., 2009, с. 36, 102.

нообразия на нижнем уровне разрушает верхний уровень организации”¹⁰. Поскольку понятие “разнообразие” не имеет при формулировке закона специального уточнения, то под ним правомерно понимать, в частности, множественность социальных проявлений. Не ясно, действует ли данный закон с необходимостью в каждой точке любого пространственно-временного диапазона, носит ли он стохастический (вероятностный) характер или же его функционирование определяется некоторыми специальными условиями, тогда как в других ситуациях соотношение двух социальных уровней организации выглядит по-иному. Нам представляется наиболее правдоподобным последнее предположение. Возможно существование следующей ситуации. Допустим, нижний уровень социальной организации – это совокупность соответствующих слоев населения с их социальной деятельностью и увеличивающимся во времени разнообразием. Не исключено, что в этих условиях так же будут усложняться формы социального управления и возрастать количество управленческих кадров на верхнем уровне социальной элиты.

Известна точка зрения, согласно которой общим законом истории является определенно просматриваемая в историческом прошлом регулярность возникновения политической диктатуры в обществах, где произошел резкий революционный слом старых социальных структур и замена их новыми институтами¹¹. Полагаем, что в данном случае имеет место психологический закон, проявляющийся в определенных исторических ситуациях. В результате революционных преобразований в обществе появляется многочисленная оппозиция, рекрутируемая из сторонников старого режима. Целью диктатуры становятся ее нейтрализация и удержание власти. Однако действие данного закона в каждом конкретном случае происходит в форме разнообразных и сменяющихся друг друга временных тенденций.

В рассуждениях некоторых ученых (преимущественно это математики), представляется спорным то, что их формулировки общих законов имеют в своей основе индуктивные выводы. Современная логика в соответствии с традициями, восходящими к Д. Юму, И. Канту, М. Веберу, А. Эйнштейну, И. Лакотосу, рассматривает общие законы науки как теоретические конструкции, являющиеся результатом интуиции, догадки, озарения¹² и лишь косвенно связанные с индуктивным знанием. Индукция сама по себе не имеет обязательного содержания. На основе индуктивного анализа исторических источников правомерно выявление не общих законов, а временных исторических тенденций, развивавшихся в рамках ограниченных и фиксируемых пространственно-временных диапазонов.

Необходимость интуиции при формулировке общих законов и недостаточность для этой цели индуктивного знания вытекает из историзма современной эпистемологии. Поскольку все научные теории, включающие общие законы (в любой науке), рассматриваются как сменяющиеся во времени, то их источником не может быть неизменное индуктивное знание. Именно интуиция, имеющая множество абстрактно-теоретических истоков, – исходная точка развития новой теории, сменяющей старую.

Однако именно на основе индуктивного знания ряд представителей математического макромоделирования и идей синергетики строят графики, охватывающие тысячелетия исторического развития. При этом используются работы многих авторов,

¹⁰ Цит. по: *Назаретян А.П.* Смыслообразование как глобальная проблема современности. Синергетический взгляд. – Вопросы философии, 2009, № 5, с. 9.

¹¹ *Toraldo di Francia G.* Historical Truth. – Foundation of Science, New York, 1995/96, № 3.

¹² *Юм Д.* Трактат о человеческой природе. Кн. I. О познании. Минск, 1998, с. 135; *Кант И.* Критика чистого разума. Пер. с нем. Н. Лосского. Введение. СПб., 1907, с. 1–35 (специально о вкладе Д. Юма в решение данной проблемы см. с. 34), а также см.: *Эйнштейн А.* Физика и реальность. М., 1965, с. 9; *Лакотос И.* История науки и ее реконструкции. – Структура и развитие науки. М., 1978, с. 322–323; *Поппер К.* Предположения и опровержения. Рост научного знания. – Логика и рост научного знания. М., 1983, с. 259, 271, 272 (мнение К. Поппера об отношении Д. Юма к индукции см. с. 270–273); *Вебер М.* “Объективность” социально-научного и социально-политического познания. – *Вебер М.* Избр. произв. М., 1990, с. 374.

имеющих разное мировоззрение и неодинаково оценивающих прошлое. Соответственно, эти ученые могут акцентировать различные проявления многофакторной исторической реальности прошлого и руководствоваться разными критериями отбора материала. Истина в истории не аналогична истине в физике¹³. В истории в большей степени проявляется роль так называемой субъект-объектной корреляции, влияющей на историческую эвристику и выводы. Поэтому профессиональные историки остерегаются брать данные источников из чужих работ и использовать вопреки правилам теории вероятностей такой не проверенный на однородность материал для экстраполяции сделанных на нем выводов на будущее истории человечества.

В журнале “Вопросы философии” в настоящее время обсуждаются проблемы объективности исторического знания, хотя и не связываемые авторами напрямую с вопросами общих исторических законов, но, несомненно, имеющие к ним прямое отношение.

Высказаны две, можно сказать, прямо противоположные точки зрения. Согласно одной, объективность исторической науки обеспечивается так называемыми паратеоретическими паттернами – представлениями человека о мире, единство которых определяется свойственными всем людям проявлениями воли, чувств и мотивов, обуславливающих все значимые действия людей. Названные представления обнаруживаются в соотношении устанавливаемого историком, т.е. вносимого им в текст исторических источников, “предполагаемого смысла деяний агентов события и смысла, имевшего место в историческом событии”¹⁴. В соответствии с другим мнением, объективность исторического дискурса усматривается в атомарных исторических фактах¹⁵.

По поводу первой гипотезы правомерно заметить, что предполагаемые историками смыслы деяний людей прошлого вряд ли полностью независимы от убеждений самих историков. В этой связи примечательны выводы известного итальянского представителя герменевтики Э. Бетти, который полагал, что при анализе исторических источников “смысл следует не вносить, а выносить”. Не исключая роль осуществляемого историком “предпонимания”, ученый, как и другие приверженцы идей герменевтики, видел объективность исторической интерпретации в нахождении “дарованного смысла”, т.е. содержащегося в исторических источниках¹⁶.

Полагаем, что поиски смысла, единства и объективности исторического процесса на уровне паратеории восходят в европейской традиции еще к античной философии, в частности к идеям Платона. Истоки такого подхода к решению названной проблемы содержатся также и в христианской онтологии, согласно которой божественное происхождение человека обусловило универсальность его духовных и рационалистических возможностей. Однако развитие этих традиций в философии истории Нового и Новейшего времени привело к появлению множества различающихся теорий и идей. Не ясно, каким образом этот плюрализм может быть преодолен с помощью паратеоретического подхода. Нам представляется, что выбранная стратегия, “включающая в себя... конструирование... исторического события”¹⁷ на основе присущей каждому человеку интенциональности, не учитывает одно важное обстоятельство, характеризующее историческое развитие. А именно: его отличает несовпадение мотивов, целей и интересов социального поведения исторических деятелей с результатом. Кроме того, содержащийся в исторических источниках “дарованный смысл” уже не лишен субъективизма, присущего автору соответствующего памятника.

¹³ Рикёр П. Истина и история. СПб., 2002, с. 35; *Toraldo di Francia G.* Op. cit, p. 412; *Elstein H.* Remarks of the Paper of prof. Toraldo di Francia. – Foundations of Science, New York, 1995/96, № 3, p. 421–422; *Topolski J.* Some Remarks Concerning Historical Truth. – Ibid., p. 423–425.

¹⁴ *Старжинский В.П., Табачков А.С.* История и теория: на пути преодоления непредсказуемости прошлого. – Вопросы философии, 2010, № 1, с. 37.

¹⁵ *Горман Дж.* Грамматика историографии. – Вопросы философии, 2010, № 3, с. 45, 49.

¹⁶ *Реале Дж., Антисери Д.* Западная философия от истоков до наших дней, т. 4. СПб., 1997, с. 434.

¹⁷ *Старжинский В.П., Табачков А.С.* Указ. соч., с. 34.

Что же касается атомарных фактов, то их констатация, несомненно, наиболее объективна, поскольку в меньшей степени испытывает влияние мировоззренческих факторов, хотя известно, что и суждения факта теоретически нагружены. Мы отмечали, что использование математических методов в социально-экономической истории должно базироваться именно на суждениях атомарных фактов, играющих роль аксиом в конструировании математических моделей, которые отражают социально-экономические временные тенденции в фиксированном пространственно-временном диапазоне¹⁸. Однако атомарные факты не занимают большого места в историческом дискурсе. Он посвящен в основном характеристике множественных связей между ними, во многом зависящей от взглядов и предпочтений конкретных историков.

Парадокс современной эпистемологии состоит в том, что в отношении естественной истории распространяются мнения, восходящие к идеям основателя синергетики И. Пригожина, об ограниченности и относительности предсказуемости¹⁹, тогда как применительно к истории, наоборот, появляются попытки обнаружения объективной основы знания.

Примечателен также тот факт, что подобные стремления осуществляются одновременно с развитием герменевтики и лингвистического направления в эпистемологии истории, в рамках которых в центре внимания оказывается исторический нарратив, а исторические факты, в том числе и атомарные, рассматриваются лишь как мыслительные конструкции, выраженные средствами языка²⁰. Исторические понятия интерпретируются как концепты, зависящие от социо-культурологического контекста и мировоззрения исследователя. Вводится понятие аналитической истины, отражающей значение, которое исследователь придает понятиям и терминам²¹.

В соответствии с рационалистическим пониманием исторической науки, подразумевающим признание связи исторических выводов, полученных в результате анализа сведений исторических источников, с реальностью прошлого, полагаем, что объективность исторического исследования обеспечивается соблюдением в нем требований логики исторического дискурса, во многом отличной от логики естественно-научного знания.

Возвращаясь непосредственно к проблеме исторических законов, отметим, что ряд мыслителей – Ф. Бэкон, Д. Вико, М.Ж.А. Кондорсе, Ш. Монтескье, Т. Гоббс, И. Кант, Г.В.Ф. Гегель, Э. Гуссерль, М. Хайдеггер – понимали эволюцию человечества как связанную с природой человека, его разумным поведением. В результате био-антропо-социо-эволюции человек отказался от животных инстинктов, его жизнь подчинилась разуму. Возникновение общества зависело от осознания людьми невозможности эгоистически-утилитарного социального поведения, необходимости ограничения свободы воли. Это стало причиной появления вначале табу, а затем непрерывно развивающейся во времени системы социо-государственно-правовых, религиозно-нравственных и культурологических ценностей и институтов.

Резюмируя взгляды названных философов, а также результаты многих конкретных исторических исследований, посвященных формированию человеческого общества, его ценностных представлений и институтов, можно высказать предположение, что самый общий закон истории человечества обусловлен единой социодуховной и разумной природой человека и находит свое выражение в развивающихся и непрерывно усложняющихся социо-государственно-правовых, религиозно-нравственных и культурологических институтах. Их развитие и изменение происходит в результате пере-

¹⁸ *Хвостова К.В.* Математические методы в исторических исследованиях, с. 69.

¹⁹ *Пригожин И.* Философия нестабильности. – Вопросы философии, 1991, № 6, с. 51; *Мухин Р.Р.* Методологические аспекты динамического хаоса. – Вопросы философии, 2006, № 11, с. 89.

²⁰ *Ankersmit F.R.* Danto. History and Tragedy of Human Existence. – History and Theory, 2003, № 42; *Кукарцева М.А.* Лингвистический поворот в историописании: эволюция, сущность и основные принципы. – Вопросы философии, 2006, № 4, с. 49;

²¹ *Кукарцева М.А.* Указ. соч., с. 52.

работки информации, относящейся к социальному опыту, благодаря чему указанные институты приобретают новые качественные признаки. Этот закон формулируется на основе интуиции. В исторических источниках отсутствуют сведения о том, что именно природа человека – причина появления названных институтов. Соответственно, эта связь не может быть обнаружена с помощью индукции. Ее формулировка осуществляется на основе общих абстрактных представлений, имеющих истоки, восходящие к многочисленным знаниям.

В процессе дальнейшего исследования предстоит выяснить предпочтительность, т.е. большее правдоподобие одной из двух гипотез. Согласно первой, развитие во времени и пространстве социо-государственно-правовых, религиозно-нравственных и культурологических институтов, порождаемое требованиями природы человека и отражающее самый общий исторический закон, представляет собой единый стохастический процесс. В соответствии со второй гипотезой названный процесс распадается на ряд пространственно-временных тенденций, специфические черты и развитие которых определяются не только рассмотренным, самым общим историческим законом, но и дополнительными причинами, оказывающими приоритетное влияние на развитие данной тенденции.

Высказывания ряда выдающихся философов могут быть истолкованы как аргументы в пользу правомерности первой гипотезы. Гегель писал: “События различны, но общее и внутреннее в них едины”²². Аристотель в своей “Метафизике” выражал, по существу, идею линейного развития: “Когда нечто, благодаря тому, что оно имеет начало в самом себе, оказывается способным перейти в действительность, оно уже таково в возможности”²³. Э. Гуссерль понимал исторический процесс как проявление универсального разума, присущего человечеству²⁴. М. Хайдеггер считал сущее развивающимся во времени историческим бытием.

Единство исторического процесса, рассматриваемого на уровне мегатеории в его глобальности как некоторое целое, сочетается с констатацией циклов и катастроф на уровне мезотеории. Всякая цивилизация, а также общество и государство, утверждали еще О. Шпенглер и А. Тойнби, проходит в своем развитии стадии зарождения, расцвета, стагнации и упадка. Каждая из стадий цивилизационной и в целом общественной эволюции характеризуется уровнем развития каких-либо определенных социо-государственно-правовых или религиозно-нравственно-культурологических институтов.

Обе выдвинутые на уровне мегатеории гипотезы нуждаются в фальсифицируемости, т.е. в определении путем качественного анализа степени их правдоподобия. Согласно первой гипотезе о единстве всемирно-исторического процесса, что подчеркивали названные философы, мера влияния социо-государственно-правовых и религиозно-нравственно-культурологических факторов, отражающих общую природу человека, на общую глобальную эволюцию может быть выражена уравнием множественной регрессии. Результативный признак в этом уравнении – совокупная мера влияния всех названных институтов на развитие общественной системы. Факторные признаки представлены отдельными институтами. Коэффициенты при факторных признаках есть коэффициенты регрессии – меры влияния отдельных институтов на систему. Как известно, коэффициенты регрессии, отражая общий закономерный стохастический процесс, не могут быть какими угодно. Они показывают типичные усредненные влияния факторных признаков на систему, при которых флуктуации действительных влияний факторов вокруг их типа минимальны. Эти типичные влияния определяются методом наименьших квадратов.

²² Гегель Г.В.Ф. Философия истории. – Гегель Г.В.Ф. Собр. соч., т. 8. М., 1935, с. 7.

²³ Аристотель. Метафизика IX. 7. 1049а.

²⁴ Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб., 2004, с. 104; Савин А.Е. Способ периодизации исторического процесса у Гуссерля. – Вопросы философии, 2008, № 1, с. 141.

Допустим, при теоретическом анализе модели в отношении конкретных цивилизаций были бы установлены периоды максимального и минимального влияния определенных факторных признаков, т.е. конкретных социо-государственно-правовых или религиозно-нравственно-культурологических институтов, на степень общего развития социальной системы. Эти периоды могли бы быть квалифицированы как расцвет или упадок рассматриваемых цивилизаций, обществ или государств. В этом случае гипотезы мезотеории о циклическом развитии цивилизаций порождались бы мегатеорией общей направленной эволюции (Fortschritt, по определению Гегеля). Иными словами, мы имели бы пример дедуктивной связи между мегатеорией и мезотеориями, что свидетельствовало бы о наличии объяснительной функции у мегатеории, основанной на формулировке общего закона, который заключается в зависимости социальных и государственных устройств на протяжении всей истории человечества от единой духовно-разумной природы человека. Подобная связь мегатеоретических уровней способствовала бы объективизации исторических исследований.

Ведь при исключительно качественном подходе к изучению циклов в развитии обществ и цивилизаций известно, например, что эпоха Возрождения оценивается представителями секуляризованной научной традиции как расцвет соответствующих обществ, а с религиозных позиций характеризуется выдающимися учеными – Я. Буркхардтом, Е. Жильсоном, Н.А. Бердяевым, А.Ф. Лосевым – как упадок европейской цивилизации. Однако нижеследующий анализ модели обнаруживает ее несостоятельность. Факторные признаки, обозначающие социо-государственно-правовые, религиозно-нравственные и культурологические институты, не могут быть квантифицированы. Существует обратная связь, когда общая мера эволюции влияет на отдельные факторные признаки. Кроме того, эти признаки не являются независимыми переменными, так как испытывают влияние многих линейных и нелинейных причин, не поддающихся однозначному определению. Как писал Дж.С. Милль, происходит сложение причин²⁵. Аристотель говорил о присоединившихся причинах²⁶.

Воздействие подобных причин означает, что коэффициенты при факторных признаках могут быть какими угодно. Они не показывают минимального рассеяния влияний отдельных факторов вокруг некоего типа этих влияний, т.е. они не являются коэффициентами множественной регрессии. Это означает, что отсутствует единый закономерный стохастический процесс. Поэтому правомерна вторая из высказанных выше гипотез. А именно: общий процесс в рамках отдельных обществ, государств, цивилизаций представляет собой систему сменяющихся временных тенденций. Такая система имеет наряду с общей причиной, выражающей единую природу человека и обусловившей существование во все времена и во всех обществах социо-государственно-правовых, религиозно-нравственных и культурологических институтов, одновременно и множество дополнительных причин, оказывающих приоритетное воздействие на возникновение циклов. Совокупность временных тенденций иногда и называют в рамках современной мировоззренческой традиции неравновесностью, динамическим хаосом в обществе. Представление о совокупности временных тенденций – мезотеоретический уровень рассуждений, непосредственно связанный с анализом исторических источников, который показывает, что одни и те же стадии исторического развития могут быть результатом действия разных причин.

Так, например, в Древней Греции V в. до н.э. расцвет античной цивилизации был обусловлен необыкновенным культурным взлетом, названным в литературе “греческим чудом”. Исследователи расходятся во мнениях относительно причин, вызвавших такой расцвет. Существует гипотеза, согласно которой он в значительной мере был обусловлен особенностями ландшафта страны, изрезанного побережьем, затруднявшим торгово-экономическую деятельность. Поэтому энергия этноса была обращена главным образом на культурную деятельность. Но, по-видимому, на развитие социума

²⁵ Милль Дж. Ст. Система логики силлогистической и индуктивной. М., 1914, с. 336.

²⁶ Аристотель. Физика. II. 5. 196б.

воздействие оказывала не только названная причина, а целый ряд факторов, многие из которых трудно вычленишь и определить. Что же касается Древнего Рима, то там расцвет общества определялся развитием государственно-правовых институтов и завоеваниями. Данные примеры наглядно подтверждают тот факт, что особенности стадийного развития цивилизаций не дедуцируются из формулировки общего закона, связанного с единой природой человека, а определяются с учетом пространственно-временных особенностей и причин дополнительных, присоединившихся к главной. Общий исторический закон обладает, таким образом, ограниченной прогностическо-объяснительной функцией. Он свидетельствует только о том, что государство и его институты присущи каждому индивидуальному виду социальной эволюции.

Отметим, что ряд известных аналитиков, прежде всего М. Вебер, К. Поппер, М. Хайдеггер, Н.Н. Моисеев²⁷, придерживались мнения об отсутствии в истории законов, аналогичных законам в естественных науках, и подчеркивали невозможность прогнозирования будущего. Примечательно, что основатель теории динамического хаоса И. Пригожин в отличие от некоторых последующих приверженцев этой идеи, писал о слабой предсказуемости ряда физических явлений, проводя параллель с непредсказуемостью явлений общественных²⁸.

Всякая иная модель, отражающая самый общий закон исторического развития и связанная с единой природой человека, также представляется уязвимой, так как в наши дни заметны признаки изменения этой природы.

Потребности в ограничении эгоистически-утилитарного поведения заменяются стремлением к деятельности в собственных интересах. Идеи Ф. Ницше и М. Хайдеггера о сверхчеловеке, противопоставляющем себя государству, сегодня не представляются утопичными. Процессы современной глобализации дают основания и для других предположений. Ю. Хабермас пишет о несостоятельности современных государств. По мнению И. Валлерстайна, наблюдается кризис государственно-правовой легитимности, что может привести к замене государств союзами типа Евросоюза. Еще М. Хайдеггер говорил об обезличении человека в грядущую эпоху. Видимо, цивилизационные характеристики в эпоху глобализации претерпевают изменения²⁹.

Однако все названные гипотезы в отношении будущего высказаны на основе общего философского дискурса и наблюдений за современными временными тенденциями. Они не являются выводами, полученными на основе общих законов человечества³⁰. Известен весьма неточный прогноз Ф. Фукуямы, полагавшего, что в результате падения тоталитарных режимов в Европе наступит время господства либерально-демократических ценностей и институтов, исключающее резкие противоречия между государствами³¹.

Объяснительно-прогностической функцией в историческом знании в большей мере обладают формулировки временных исторических тенденций, развивавшихся в ограниченном пространственно-временном диапазоне. Выводы, полученные на материале, относящемся к соответствующим тенденциям, правомерно экстраполировать на тот период прошлого (особенно это относится к отдаленному прошлому), от кото-

²⁷ Вебер М. Указ. соч., с. 380; Поппер К. Открытое общество и его враги, т. II, с. 305, 311; Моисеев И.Н. Универсальный эволюционизм. – Вопросы философии, 1991, № 3, с. 20; Хайдеггер М. Очерки философии. О событиях. – Вопросы философии, 2006, № 11, с. 164.

²⁸ Пригожин И. Указ. соч., с. 51. Ср. Мухин Р.Р. Указ. соч., с. 89. Несогласие с идеей непредсказуемости высказал уже С.П. Курдюмов. Интервью с С.П. Курдюмовым см. Вопросы философии, 1989, № 6, с. 53–54.

²⁹ Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001; Щедровицкий П.Г. Изменения в мышлении на рубеже XXI столетия: социальные вызовы. – Вопросы философии. 2007, № 7, с. 46.

³⁰ Невозможность таких выводов отмечали М. Вебер и К. Поппер. Вебер М. Указ. соч., с. 371; Поппер К. Ницше историзма, с. 172.

³¹ Фукуяма Ф. Конец истории? – Вопросы философии, 1990, № 3, с. 134–148. От этой идеи автор, видимо, отказался. См. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. М., 2008, с. 18.

рого не сохранилось сведений источников, характеризующих тенденцию во всем разнообразии ее проявлений. Однако сохранились другие сведения (например, законодательные), свидетельствующие о том, что тенденция еще продолжала функционировать и лишь позднее была заменена другой. Поскольку речь идет об отдаленном прошлом, то прогноз следует рассматривать как опрокинутый в это прошлое. Длительные тенденции, устойчивые в рамках значительного пространственно-временного диапазона, являются вехами периодизации истории. Высказанная здесь точка зрения отражает опыт конкретно-исторических исследований, посвященных изучению качественного разнообразия исторического прошлого.

Все сказанное, однако, не означает, что формулировки общих исторических законов бессмысленны. Отражая мегаисторический уровень исторического дискурса, они тем самым свидетельствуют о развитии обобщений в историческом знании и его состоянии в целом. Тем не менее, говоря о законах истории, необходимо отмечать их специфику.

Определение длительности временных исторических тенденций связано с немалыми трудностями, проистекающими из многофакторности исторической реальности и многоаспектности исторического знания. Разные ученые используют в качестве критерия их действия различные факторы. Кроме того, не всегда можно с определенностью сказать, являются ли изучаемые временные тенденции стохастическим процессом, т.е. развиваются ли они таким образом, что их характеристики в различные временные диапазоны означают вариации некоторых типичных для периода проявлений.

Если развитие временных исторических тенденций обеспечено количественными сведениями, извлеченными из исторических источников, то их изучение происходит с помощью математических методов³². Такие приемы сочетаются с общеизвестным набором исследовательских средств историка: аргументацией, интерпретацией, аналогией, сравнением, каузальным анализом. Совокупность названных методик используется в целях выяснения степени интенсивности временных исторических тенденций³³.

Существуют и другие особенности исторического знания, тесно связанные с отмеченными чертами общих законов и временных тенденций. Эти особенности касаются логики исторических рассуждений, гипотез и выводов. Как уже отмечалось выше, их учет в конкретном исследовании обеспечивает, на наш взгляд, необходимую объективность исторического знания. Сказанное следует понимать в том смысле, что только правильно организованная историческая работа позволяет установить истинность или правдоподобие содержащихся в ней дискурса, гипотез, заключений и правомерность избранных методик. При соблюдении этих условий возможны исторические дискуссии.

Логика исторического исследования стала предметом изучения известного отечественного специалиста по логике и искусственному интеллекту В.К. Финна. Согласно его выводам, историческое знание несводимо к аксиоматическому построению и чисто дедуктивным процедурам. В исторической науке отсутствует доказательство гильбертовского типа (система аксиом и множество правил вывода). Выводы в историческом знании основаны не на доказательстве, а на аргументации. Они не называются достоверными, но квалифицируются как правдоподобные³⁴. Исторические понятия носят расплывчатый, неоднозначный характер и в каждом конкретном случае нуждаются в уточнении³⁵.

Правдоподобие или степень истинности исторических гипотез аргументируется с помощью четырехзначной логики. Она подразумевает аргументы “за”, “против”,

³² *Хвостова К.В.* Математические методы в исторических исследованиях и современная эпистемология истории, с. 69; *Khvostova K.V.* Emploi des méthodes quantitatives et formelles dans la byzantinologie: Bilans et perspectives. – 17th Congress International of Byzantine Studies. М., 1991, р. 325–336.

³³ *Хвостова К.В.* Математические методы в исторических исследованиях, с. 69.

³⁴ *Финн В.К.* Интеллектуальные системы и общество. М., 2006, с. 292, 294.

³⁵ Там же, с. 285, 295.

а также ситуацию неопределенности, включающую аргументы и “за”, и “против”, равно как констатацию факта отсутствия аргументов³⁶.

Соблюдение логических правил необходимо и при изучении событийной истории, социального поведения, и при анализе общих исторических законов и временных исторических тенденций. Известно, что приверженцы постмодернизма, отрицавшие правомерность использования в историческом знании понятия “истина” и заменявшие его понятием “новизна”, сводили исторический дискурс к литературному эссе со свободной логической структурой. Но рационалистическое направление в исторической эпистемологии требует неукоснительного следования логическим правилам.

Прошедшая в мировой медиевистике в начале XXI в. дискуссия по проблемам западноевропейского феодализма, посвященная выяснению содержания важнейших временных тенденций эпохи Средневековья, не отличалась четким соблюдением принципов логики исторического исследования. Как отмечалось выше, А.Я. Гуревич придавал преимущественное значение в раннесредневековом обществе факторам ментальности, менталитету и системе ценностей, нашедшим свое отражение в нарративных источниках. Сведения же о социально-экономических, пространственно-временных тенденциях, изучаемых А.И. Неусыхиным, С.Д. Сказкиным и рядом других ученых, содержатся в актовом материале и законодательных памятниках. Данные, имеющиеся в источниках разного типа, принадлежат к различным подмножествам единого множества сведений, относящихся к европейскому Средневековью. Эти подмножества характеризуют разные проявления многофакторной реальности и дополняют друг друга. Концепции, сконструированные на подобных подмножествах исторических сведений, не могут рассматриваться как несовместимые. Они не противоречат друг другу, а дополняют друг друга. Еще К. Поппер пришел к выводу о необходимости единого фактологического базиса для подтверждения и обоснования концепций³⁷. Таким образом, критика А.Я. Гуревичем концепций А.И. Неусыхина и С.Д. Сказкина логически неоправдана.

Одну из концепций, выработанных на разных фактологических базисах, можно было бы считать предпочтительной, если бы удалось аргументировать большую социальную роль тех или иных временных тенденций. Однако проблема социальных ролей различных форм отношений в отдаленном прошлом – одна из наиболее трудно решаемых. Во многих исследовательских ситуациях ученый оказывается не в состоянии определить эти роли на основе имеющихся данных источников. Но правдоподобной представляется гипотеза, согласно которой устойчивыми временными тенденциями, играющими преобладающую роль в обществе, являются те отношения, которые имеют юридическое оформление. Именно они исторически перспективны и потому значимы в ролевом отношении. Думается, что социально-экономические отношения раннего Средневековья, изучаемые А.И. Неусыхиным, С.Д. Сказкиным и многими другими авторами, являлись именно таковыми. Это были перспективные в социально-экономическом и правовом отношении длительные временные исторические тенденции.

Вряд ли можно согласиться с тем, что проблема многофакторности истории, сложного взаимовлияния различных событий, отношений, временных тенденций до сих пор слабо изучена на теоретическом уровне и ее научная значимость связана с новым мировидением, с идеей синергетики и динамического хаоса. Еще в 30-е годы XX в. в рамках аналитической философии истории М. Мандельбаум обращал специальное внимание на эту проблематику³⁸. Сложное взаимодействие различных временных тенденций, называемое в свете современных идей динамическим хаосом, кроме того, всегда находилось в центре внимания историков. Известный отечественный медие-

³⁶ Там же, с. 224, 292.

³⁷ *Поппер К.* Логика социальных наук. – Эволюционная эпистемология и логика социальных наук. Карл Поппер и его критики. М., 2000, с. 300.

³⁸ *Mandelbaum M.* The Problem of Historical Knowledge. New York, 1938, p. 321.

вист конца XIX – начала XX в. П.Г. Виноградов отмечал двойственность в положении английских вилланов, отличавшую их личный и поземельный статус. С одной стороны, юридически вилланы подчинялись воле лорда, т.е. их свобода была ограниченной, но, с другой стороны, на практике многие внутриманориальные проблемы решались по обычаю манора, в рамках которого учитывались интересы вилланов³⁹.

Таким образом, новое мировидение, связанное с синергетикой и идеями динамического хаоса, способствует актуализации ряда проблем исторического познания, связанных с пониманием общих исторических законов, временных исторических тенденций, многоаспектности исторического знания, исторической объективностью и истинностью исторических гипотез, ролью математических методов в исторических исследованиях. Однако решение этих проблем, на наш взгляд, невозможно без учета органических особенностей исторического знания, его отличий от естественнонаучного, определяемых тем, что объектом изучения в исторической науке являются результаты деятельности людей, равно как и сама эта деятельность.

³⁹ Виноградов П.Г. Средневековое поместье в Англии. СПб., 1911, с. 343.